

ДИАЛОГ СЕРИЯ

АНДРЕЙ ПЕРВОЗВАННЫЙ – АПОСТОЛ ДЛЯ ЗАПАДА И ВОСТОКА

Под редакцией Михаила Талалая и Ирины Языковой

Диалог (Издательство ББИ)

Коллектив авторов

**Андрей Первозванный –
апостол для Запада и Востока**

«Библейско-богословский институт
святого апостола Андрея»

2011

Коллектив авторов

Андрей Первозванный – апостол для Запада и Востока /
Коллектив авторов — «Библейско-богословский институт святого
апостола Андрея», 2011 — (Диалог (Издательство ББИ))

В книгу, посвященную 800-летию перенесения мощей св. Андрея
Первозванного из Константинополя в Амальфи (2008 г.), вошли статьи
богословов, историков, филологов и искусствоведов, посвященные роли
апостола в истории христианства, разным аспектам его церковного и
народного почитания и его современной общехристианской миссии.

© Коллектив авторов, 2011
© Библейско-богословский институт
святого апостола Андрея, 2011

Содержание

Предисловие	6
I. Духовное путешествие апостола Андрея как символ церковного единства	9
Андрей Робинсон. «Маршрут» апостола Андрея	9
Адалберто Майнарди. Андрей – «первый ученик» Христа.	21
Вселенский взгляд на ученичество и общину в четвертом Евангелии	
Конец ознакомительного фрагмента.	28

**Андрей Первозванный –
апостол для Запада и Востока**

Под ред. Михаила Талалая и Ирины Языковой

© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея

* * *

Светлой памяти епископа Пьера Дюпре

Предисловие

Апостол Андрей Первозванный – уникальная личность для всего христианского мира. Он был первым апостолом, призванным Иисусом, и его миссия покрывала огромные пространства в Европе и Азии. Он был объявлен святым покровителем Византии и его мощи покоились в церкви Двенадцати апостолов в Константинополе.

В процессе христианской истории апостол Андрей стал ключевой фигурой для многих национальных церквей. Его глубоко почитали греки и посвятили ему один из самых больших соборов на месте его мученичества в Патрах. Он был первым миссионером на протославянских территориях и был провозглашен святым покровителем России, поскольку считалось, что он первый проповедовал здесь Евангелие. Румыны почитают его как крестителя своего народа. Апостол Андрей очень популярен на Кавказе – в Грузии и в Армении.

Традиционно апостол Андрей считается святым покровителем христианского Востока, тогда как апостол Петр – покровителем Запада. Однако и Запад имеет особые духовные связи с Андреем Первозванным. Перенесение его мощей из Константинополя в Амальфи в 1208 году можно назвать новым миссионерским путешествием апостола, которое способствовало развитию его почитания на Западе. Он считается святым покровителем Шотландии и Бургундии и глубоко почитается в Италии.

Почитание апостола Андрея в разных странах и христианских традициях символически выражает страстное стремление к духовному единству христианского мира. Сама личность и миссия апостола объединяют христианские Восток и Запад поверх догматических, политических и прочих разделений. По русской агиографической традиции¹ апостол Андрей отправился в большое путешествие в земли, где позднее были основаны Киев и Новгород, а оттуда морем, огибая всю Европу – христианскую ойкумену того времени, отправился в Рим к своему брату Петру, дав нам тем самым образец братской любви между восточной и западной церквами. Это «духовное путешествие» апостола может быть вдохновляющим примером движения к «брату твоему», важнейшего для построения христианского единства в начале третьего тысячелетия.

В то время как многие люди сейчас разочарованы «институциональным экуменизмом», они, тем не менее, стремятся к глубокой духовности общения, которая, по словам Ионна Павла II, «означает способность думать о наших братьях и сестрах по вере в глубоком единстве Мистического Тела, ... принимать наших братьев и сестер, нося бремена друг друга (Гал 6:2)». Духовный экуменизм очень важен для жизни современной церкви. Это сердце любого серьезного диалога и межцерковного сотрудничества. Это обращение наших сердец, которое может помочь обратить конфликты, часто возникающие из-за наших различий, во взаимную дополнительность, обогащающую наши церкви и христианство как целое. Очень важно показать и подчеркнуть действительный духовный опыт тех верующих, которые переживали разделение церкви не только как историческую драму, но и как их личную трагедию, и пускались в длительное, трудное и опасное духовное путешествие, чтобы встретить и обнять своего брата, следуя примеру св. Андрея Первозванного.

Часто говорят о кризисе самой идеи церковного единства. Однако слово «кризис» имеет не только негативное значение расстройств, но и позитивный смысл обновления, появления новых возможностей для ответа на вызовы современности. Молитва Иисуса «да будут все едино» указывает на самую суть здорового экуменизма. Мы не можем «организовать» церковное единство – это дар Святого Духа, который лишь один может открыть сердца для примирения. Без взаимного прощения, очищения памяти и усилий понять друг друга не может быть никакого экуменизма, и истинный экуменизм означает совместное чтение Библии, обмен

¹ См. ниже Андрей Робинсон. «Маршрут» апостола Андрея, с. 3.

духовным опытом, размышление над духовным наследием святых, которые никогда не отделяли себя от вселенской церкви во всем мире².

Личность апостола Андрея приобретает особую значимость в свете диалога любви между Востоком и Западом, который был инициирован более 50 лет назад патриархом Афинагором и папой Павлом VI. 800-летний юбилей переноса мощей апостола Андрея из Константинополя в Амальфи, который отмечался в 2008 году, совпал с 50-летним юбилеем инициации *Tomos Agaris*³, который знаменовал новую стадию диалога между Православной и Католической церквями. Такое символическое совпадение дало хороший повод для углубленного многостороннего богословского размышления о личности и деяниях одного из первых учеников Христа и об уроках духовного экуменизма, которые апостол Андрей дает современной церкви.

В этой связи Католический комитет по культурному сотрудничеству (Рим) и Библейско-богословский институт св. апостола Андрея в сотрудничестве с другими церковными, общественными и научными организациями из разных стран⁴ организовали серию коллоквиумов⁵, которая завершилась большой международной конференцией «Апостол Андрей и христианская ойкумена: богословское, культурное и историческое значение св. Андрея Первозванного для современного мира и христианского единства», проведенной во Фрайзинге (Германия) 7–11 июня 2008. Одиннадцать православных церквей прислали своих представителей на эту конференцию, что еще раз подчеркнуло важность и актуальность данной проблематики.

Эти научные встречи дали возможность рассмотреть личность апостола Андрея с разных сторон. Их участники, богословы и специалисты, работающие в областях древней и современной истории, агиографии, церковной истории, иконографии, литургики, филологии и др., вместе размышляли о том, как значение апостола Андрея понималось в светской и церковной истории, культуре, богословской и литургической традициях и, особенно, как его символическое послание раскрывается в диалоге современной церкви. Мы говорили об апостоле как символе христианского единства и духовного экуменизма, о его почитании в разных местах христианской ойкумены и о диалоге любви между нашими церквями и необходимости развивать сотрудничество в областях культуры, науки и образования.

Вовлечение христианских студентов и молодых исследователей – залог успеха такого сотрудничества – то, что является одним из основных направлений работы Библейско-богословского института св. апостола Андрея на протяжении всех двадцати лет его существования. Сотни студентов и специалистов из разных христианских конфессий участвуют в наших Летних богословских институтах, которые оказались чрезвычайно успешным и важным инструментом для развития академического богословского образования и диалога науки и богословия. Более трехсот богословских книг, изданных ББИ, представляют разные христианские традиции и широко используются студентами многих конфессий. Важным мотивом организации наших международных конференций является развитие диалога и сотрудничества в образовательной и академической сферах.

² Вальтер Каспер. *Руководство по духовному экуменизму*. М: ББИ, 2008, 75 с.

³ *Tomos Agaris*. Ватикан-Фанар (1958–1970). Брюссель-Москва: Жизнь с Богом, 1996, 278 с.

⁴ Архиепископия Амальфи – Кава-де-Террени, Ассоциация «Рондине – крепость мира» (Ареццо), Монастырь в Бозе (Маньяно), Румынский патриархат и богословский факультет Бухарестского университета, благотворительная организация «Реновабис» (Фрайзинг), Институт Восточных церквей (Регенсбург), Экуменический фонд св. Андрея (Лондон), Христианский образовательный центр им. свв. Мефодия и Кирилла (Минск), Институт всеобщей истории РАН (Москва), Центр культуры и истории Амальфи и Ассоциация «Человек и Церковь» (Амальфи), англиканская церковь св. Андрея (Москва), православная церковь св. апостола Андрея (Неаполь), при участии представителей Греции, Грузии, Украины, Шотландии.

⁵ Первый коллоквиум «Значение апостола Андрея для диалога любви между Востоком и Западом и духовного экуменизма» был проведен в Ареццо (Италия) 1–4 февраля 2007, второй «Апостол Андрей на Востоке и Западе: история, иконография, литература, места почитания» – в Амальфи (Италия) 6–9 мая 2007 и третий «Апостолы Андрей и Петр – икона будущего» – в Бозе (Италия) 25–28 октября 2007.

Весь наш опыт показывает жизненную важность такого сотрудничества и ни один из перечисленных проектов не был бы возможен без тесного взаимодействия со многими людьми и организациями – светскими и церковными – в разных странах.

В связи с этим я бы хотел выразить глубокую признательность и благодарность организаторам прошедших конференций – Католическому комитету по культурному сотрудничеству и проекту «Живые источники: узы братства и сотрудничества, пути единства и мира» (Рим), а также кардиналу Вальтеру Касперу, бывшему президенту Папского совета по развитию христианского единства, архиепископу Амальфи Орацио Соричелли, Енцо Бьянки, настоятелю монастыря в Бозе, д-ру Альберту Рауху, директору Института Восточных церквей в Регенсбурге, и проф. Франко Ваккари, директору Ассоциации «Рондине – крепость мира» в Ареццо. Мы очень благодарны спонсорам конференции о. Дитгеру Демуту, президенту Реновабис, д-ру Дэниэлу Шмидту, директору *Bradley Foundation* (США), и фонду *Fidel Götz Stiftung* (Германия).

Особую благодарность я хотел бы выразить д-ру Паоле Фабрици из Католического комитета за ее вдохновение, энтузиазм и поддержку при подготовке и осуществлении всего проекта и д-ру Михаилу Талалаю за первоначальную идею юбилейной конференции, которая родилась несколько лет назад в Бозе.

Мы были очень рады получить такой хороший отклик от православных церквей и благодарны всем их представителям, принявшим участие в юбилейной конференции и привезшим приветствия глав церквей. Но более всего мы благодарны всем участникам коллоквиумов и итоговой конференции, которые привнесли свое знание, результаты многолетних исследований, вдохновение и духовный опыт, без которых эти конференции не были бы возможны.

Книга, которую мы теперь представляем русскому читателю, вобрала в себя многие доклады, сделанные на конференциях, и другие статьи ведущих специалистов. Мы посвящаем сборник памяти епископа Пьера Дюпре (1922–2007), который так много сделал для восстановления общения церквей и тесного сотрудничества между католиками и православными. Он был основателем (1963 год), первым секретарем, а впоследствии президентом Католического комитета по культурному сотрудничеству и основателем и со-председателем проекта «Живые источники». Он был одним из самых активных попечителей и большим другом ББИ.

*Алексей Бодров,
ректор ББИ
Москва, Пятидесятница 2011*

І. Духовное путешествие апостола Андрея как символ церковного единства

Андрей Робинсон. «Маршрут» апостола Андрея

На память моему внуку Андрею М. Робинсону

6

Древние предания об апостоле Андрее принадлежат к вечным темам науки, так как в них всегда был и навсегда останется момент загадочности. Среди этих преданий особое место занимает киевская «Легенда об Андрее», изложенная в «Повести временных лет»⁷. По византийским преданиям, Андрей, проповедуя христианство, совершил три путешествия по северо-восточному побережью Черного моря: посетил Синоп, Пантикапей, Керчь, Феодосию, Херсонес, вернулся в Синоп, отправился в Византию (Константинополя еще не было), где поставил епископом своего ученика Стахия, затем в Патрах был распят на иксообразном кресте⁸. Авторитеты восточной церкви, напри мер Иоанн Златоуст, признавали Андрея основателем христианства в Византии. Это предание, по мнению А. А. Шахматова, было принесено «корсунскими попами», которых привез в Киев из победоносного похода на византийскую колонию Корсунь (Херсонес)⁹ Владимир Святой¹⁰. Новая киевская «Легенда об Андрее», думается, могла возникнуть (в порядке циклического развития греческого предания) в проповедях Анастасия Корсунянина, поставленного Владимиром во главе церкви. При крещении Руси было уместно предварить этот исторический акт апостольским благословением, а для этого описать путешествие Андрея, «направив» его от Корсуни до места будущего Киева, то есть по маршруту, который был только что преодолен греческими священниками. По предположению Д. Герхардта и Л. Мюллера, в Киеве существовал, кроме того, занесенный из Новгорода фольклорный рассказ, который отражал обряд омовения в банях, и поэтому мог быть добавлен к историографическо-религиозной «Легенде об Андрее»¹¹.

А. А. Шахматов предполагал, что «Легенда» была вставлена Нестором при создании «Повести» (1113). М. Д. Приселков полагал, что вставку сделал редактор «Повести» игумен Сильвестр (1116) по желанию Владимира Мономаха¹². Объединение устных произведений:

⁶ Статья была опубликована в: *Страницы*. 1996. № 2. С. 57–74.

⁷ Далее – «Повесть». «Легендой» занимались многие ученые. Наиболее содержательной является статья: Мюллер Л. «Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Новгород», в: *Летописи и хроники*. М., 1974. С. 48–63.

⁸ Eriphanius. *Vita Sancti Andreae*. Migne PG 120. Parisii, 1864. col. 229–244; *Acta Andreae Apostoli cum laudatione context*, hrsg. von M. Bonnet. Analecta Bollandiana 13. Bruxelles, 1894; Петровский С. *Сказание об апостольской проповеди по северо-восточному Черноморскому побережью*. Одесса, 1898.

⁹ Правильное написание – Владимир; в Киевской Руси (по «Повести» и др. источникам) имени Владимир не было. Исландские саги относились к Владимиру с большим уважением: «Правил на Востоке, в Гардарике (Русь. – А.Р.) Вальдамар конунг, и был он славный муж». См. Рыдзевская Е. А. *Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (Материалы и исследования)*. М., 1978. С. 59. Далее обозначено в скобках (Р) в тексте с указ. стр.

¹⁰ Шахматов А. А. «Повесть временных лет и ее источники», в: *Труды отдела древнерусской литературы*. М.-Л., 1940. С. 29, 149–150.

¹¹ Gerhard D. *Das Land ohne Apostel und seine Apostel*. Festschrift für Dmytro Cyzevskyi zum 60. Geburtstag, Berlin, 194. (=Veröffentlichungen der Ableitung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts an der Ableitung versitet Berlin 6). S. 129 след.; он же. *Über Vorkommen und Wertung der Dampbaerder*. Zeitschrift für slavische Philologie 24, 1955. S. 82–90. Мюллер Л. Указ. соч. С. 55–57. Далее стр. указ. в скобках в тексте.

¹² Приселков М. Д. *Очерки по церковно-политической истории Руси X–XII вв.* СПб., 1913. С. 162. Он же. *История русского летописания XI–XV вв.* Л., 1940. С. 42–43.

церковной киевской «Легенды об Андрее» и фольклорного (в истоках, вероятно, языческого) рассказа о банях, произошло, скорее всего, при литературном внесении их в «Повесть», что дало возможность летописцу, «направив» апостола по пути «из варяг в греки и из грек», описать эту главную магистраль Руси. Шахматов обосновал теорию летописных «сводов» и предложил гипотетическую «реконструкцию» «Повести», а также некоторых, по-видимому, ей предшествующих летописей, которые не сохранились¹³. Затем «Повесть» подвергалась «реконструкциям» и интерпретациям историков, упростивших методику Шахматова и видоизменяющих текст согласно своей логике и мнениям. «Повесть временных лет» нуждается не в «реконструкции», а в реабилитации.

Как филолог я считаю текст «Повести» неприкосновенным (кроме учета разночтений по 8 спискам.) «Реально дошедший до нас текст “Повести”, – справедливо писал И. П. Еремин, – может стать пред метом анализа и независимо от его родословной, ибо какую бы сложную историю ни пережил текст того или иного литературного произведения, текст в своей окончательной редакции никогда не теряет своего единства как по содержанию, так и по форме: отрицать это единство в данном случае значило бы рассматривать дошедший до нас текст “Повести”, легший в основу всего древнерусского летописания, как механический сплав разного рода напластований, как текст неполноценный и по содержанию, и по форме. Реально дошедший до нас текст “Повести” должен лечь в основу анализа именно потому, что он реальный, т. е. безусловно достоверный»¹⁴. Повесть является фактором общественного сознания Древней Руси и даже позже (XIII – сер. XVIII вв.), а в некоторых идеологическо-патриотических моментах – и до настоящего времени. Хотя Л. Мюллер «Легенду об Андрее» считает «рафинированной и тенденциозной выдумкой отдельного лица <...>, она скорее является продуктом историографического мышления»¹⁵.

В «Повести» говорится сначала по традиции: «Оньдрэю учащу въ Синопии и пришедшу ему в Корсунь»¹⁶. Но далее следует нечто новое и интересное для читателей того времени: Андрей «увэдэ яко ис Корсуня близэ Днэпрское, и въсхоте пойти в Римь». Поводом для этого, как отметил Л. Мюллер, могло быть желание навестить брата – апостола Петра или же, как кажется мне, поклониться его праху. Осторожный летописец не намекнул на возможность свидания в Риме (а не в Иерусалиме, по греческой версии) столь знаменитых братьев. Но Рим был для европейцев, включая Русь, средоточием мировой славы, невзирая на вероисповедные различия. В Житии св. Александра Невского сказано, что после его победы над католическим Ливонским орденом (1242) «нача слыти имя его <...> обону страну моря Варяжьскаго, и до великаго Риму»¹⁷. Так же трактовалась в «Повести» победа Владимира Мономаха над половцами в 1111 г. (перед самым составлением «Повести»): князья возвратились «съ славою великою», которая «къ Грекомъ и Угромъ, и Ляхомъ, и Чехомъ, дондеже и до Рима пройде» (195).

Итак, апостол направился «въ вустье Днэпрское и <...> поиде по Днэпру горэ», приблизился к цели, ради которой его «пригласили» на Русь: «и ста подь горами на березэ». И сказал он «ученикомъ: «Видите ли горы сия? – яко на сихъ горахъ восияеть благодать божья; имать градъ великъ быти и церкви многи». И вышедъ на горы сия и благослови я, и постави крестъ» (12).

Казалось бы, Андрею следовало вернуться и идти в Рим старинным путем через Босфор. Но в этом случае он не мог бы миновать столицу православия – Константинополь. Ему при-

¹³ Шахматов А. А. *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*. СПб., 1908; он же (изд.). *Повесть временных лет. Водная часть. Текст*. Примечания. Пг., 1916.

¹⁴ Еремин И. П. *Повесть временных лет: Проблемы исторически-литературного изучения*. Пг., 1916. С. 9.

¹⁵ Мюллер Л. Указ. соч. С. 63.

¹⁶ *Повесть временных лет. (Литературные памятники)*. / Подготовка текста Д. С. Лихачева. Перевод Л. С. Лихачева и Б. А. Романова. М.–Л., 1950. С. 12.

¹⁷ Бегунов Ю. К. *Памятники русской литературы XIII в.* М.–Л., 1965. С. 173.

шло бы основать христианство и там (после посещения Руси). Возникал, как может показаться, парадокс: получив культ Андрея от греков, киевляне не хотели «отпустить» Андрея к грекам. Но для средневековой логики подобных противоречий не существовало. Поэтому Андрею надлежало идти далее на север.

«Легенда» была помещена летописцем в предназначенный для нее контекст, мотивирующий ее содержание. Перед «Легендой» излагались географические сведения. «Поляномъ же жившимъ по горамъ симъ [которые благословил Андрей. – А.Р.], бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волок до Ловоти, и по Ловоти внити в Ылмерь [Ильмень. – А.Р.] озеро великое, из него же озера потечеть Волховъ и вѣтечь в озеро великое Нево, и того озера вийдетъ устье в море Варяжьское. И по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду [Константинополю. – А.Р.], а отъ Царягорода прити в Понт море в не же втечетъ Днепръ река» (11). Затем приводятся пояснения: «Днепръ бо потече из Оковьскаго лѣса <...> а Двина ис того же лѣса потечет, а <...> вийдетъ в море Варяжьское <...> а по Двине въ Варяги до Рима <...>. А Днепр втечетъ в Понетъское море <...> еже море словеть Руское, по нему же училъ святыи Оньдрей, братъ Петровъ, яко же рѣша» (т. е. «как говорили» – аорист 3-го лица мн. ч.).

Летописец подчеркнул, что имеет в виду двусторонний характер движения (и на юг, и на север): «изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру и верхъ Днѣпра». В данном случае, воспроизводя «Легенду», он описал движение Андрея с юга на север. Корсунь был греческой колонией, и потому Андрей начал свой путь «из Грекъ».

Путь «из варяг в греки» был описан еще выдающимся писателем – императором Константином Багрянородным (913–959)¹⁸. Это было движение из Новгорода – «Невогарды», в которой «сидел Святослав, сын русского князя Игоря» (до занятия Святославом киевского престола в 945 г.). Константин точно описал разнонациональных участников движения: лодки – «однодревки» делают «славяне» и продают их в Киеве «русам». Он привел двуязычные названия каждого днепровского порога: «русские» (скандинавские) и «славянские». Например, порог, называемый «по-русски улворси, а по-славянски островунипраг, что значит остров порога»; или «четвертый порог, большой, называемый по-русски айфор, а по-славянски неясить, потому что в камнях порога гнездятся совы» (8). Различие между скандинавами-«руссами» и «славянами» Константин наблюдал лично, поскольку он принимал во дворце вдову Игоря Ольгу с ее свитой. Такое же различие между «русью» и восточнославянскими племенами (словенами, полянами и др.) отчетливо наблюдается в «Повести», а по «Вертинским анналам» – «руссами» (Rhos) называли себя сами шведы¹⁹. До сих пор финны называют шведов Ruossi, что в славянском дало слово «Русь», как финское Suomi – «Сумь». В Швеции есть часть побережья Roslagen.

Олег Вещий, возвращаясь в Киев после победы над Царьградом (907), предоставил своей «руси» привилегию. «И рече Олег: <...> Исшийти парусы паволочиты [шелковые. – А. Р.], и бысть тако» (125). Обыкновение знатных скандинавов делать паруса из дорогих тканей подтверждается сагами. Об Олаве Трюггвасоне, будущем короле Норвегии, говорится, что он воспитывался у конунга Вальдамара (Владимира Святого) и, командуя его дружиной, «после одной великой победы возвращался <...> домой в Гарды [Русь. – А. Р.] и плыли они с большой пышностью, и паруса на кораблях у них были из драгоценной ткани» (Р 33). Паруса кораблей короля Сигурда Йорсалафари, иерусалимского путешественника, были парчевые²⁰.

¹⁸ Константин Багрянородный. Об управлении государством, в: *Известия Гос. академии истории материальной культуры*. М.–Л., 1934. 91. С. 8–10. Далее стр. указ. в скобках в тексте. Адам Бременский (ок. 1075 г.) тоже описал этот путь с его началом из г. Волина-Юмны (устье р. Одер), далее Новгород – Киев – Константинополь (Magistri Adam Bremensisgersta Hamburgensis ecclesiae pontificum. Hannoverae-Lipsiae, 1917. P. 79–807).

¹⁹ *Annales Bertiniani*, hrsg. von G. Waitz. Hannover-Leipzig, 1883.

²⁰ Стурлусон С. *Круг земной*. М., 1980. С. 482. Далее в тексте страницы указаны в скобках.

Послы Олега, знатные варяги (славянских имен у них не было), заявили византийским императорам Льву VI († 912) и Алек сандру (царствовал в 912–913 гг.) о своем этническом происхождении: «Мы от рода рускаго, Карлы, Инегельдь, Фарлаф, Веремуд, Рулавъ, Гуды, Руалдь, Карнъ, Фрелавъ, Руаръ, Актеву, Труанъ, Лидул, Фостъ, Стемид, иже послани от Олга великаго князя рускаго» (25). «Мы Русь, <...> мы, Русь» (26–27) повторяли свое именование эти первые дипломаты, проследовавшие путем «из варяг в греки». В вопросе о названии «Русь» нужно принять во внимание и восточные источники, которые заставляют искать страну русов где-то на севере Восточной Европы²¹. «Конкретная информация большинства арабских географов посвящена главным образом северу Древней Руси <...>. Титул Хакана, на который указывает ряд авторов, мог принять скорее глава северного (с центром, предположим, в Новгороде) племени»²².

Вернемся, однако, к условиям путешествия Андрея. Константин оценивал путь «из варяг в греки» как «многострадальное, страшное, трудное и тяжелое плавание» (8). Можно представить себе, каким ужасным было такое путешествие при апостоле.

Различия в описании пути у Константина и у летописца показаны. Константин описывал движение на юг, согласно направлению миграции скандинавов. Изложение летописца следует порядку с юга на север, так как оно имело идеологическое значение для первой империи Рюриковичей, уже переживавшей начало государственного распада при прекратившейся миграции скандинавов.

Поскольку летописец взялся «привести» Андрея в Рим, а до Рима он должен был посетить будущих новгородцев, то «маршрут» апостола проходил через Ильмень, Волхов, озеро «Нево» [Ладожское с р. Не вой. – А. Р.] в «море Варяжское». Этот этап «маршрута» был обусловлен родовыми и политическими причинами; по нему двигались все удачливые претенденты на киевский престол – скандинавские конунги, превратившиеся в древнерусских князей²³. Описывая Варяжское море, летописец указывал: «По сему же морю седять варязи семо ко вьстоку до предала Симова, по тому же морю седять къ западу до земле Аглыански и до Волошьски» (10), то есть до Италии, куда и стремился Андрей: «иде въ Варязи», а оттуда [морем через Гибралтар. – А. Р.] «прииде въ Римъ» (12). Подходя к будущему Новгороду, как очевидно полагали читатели XII в., Андрей начинал приближаться к варяжским землям «римско го» (католического) мира.

И вот Андрей «приде въ словени, идеже ныне Новъгородъ». Он не благословил это место, как сделал на «горах», но обратил внимание лишь на странное поведение аборигенов: «как ся мыють и хвоцются [хлещут себя березовыми вениками. – А. Р.], и удивися имъ». Было чему удивляться человеку, привыкшему к античным термам. Но летописцу и читателям-киевлянам удивляться не приходилось: бывая в Новгороде, они знали местные (и скандинавские) банные обычаи, да и сами едва ли мылись иначе²⁴.

Пройдя по морям и рекам, как идеальный путешественник (от Синопа до Синопа) Андрей будто бы охватил всю средневековую Европу. Это и было реальное норманнско-варяж-

²¹ Новосельцев А. П. «Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв.», в: Новосельцев А. П., Пашуто Б. Т., Черепнин Л. В. *Древнерусское государство и его международное значение*. М., 1965. С. 404.

²² Калинина Т. М. *Древняя Русь и страны Востока X в.* (Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук). М., 1976. С. 12, 13, 20. После моей лекции в Гарвардском университете (США) 8 апреля 1981 г. проф. О. Прицак сообщил, что ему известен древний арабский текст, в котором князь Игорь (Рюрикович) назван «каганом». Ср.: в «Слове и благодати» Илариона – «великаго кагана наша земля Владимира, внука старого Игоря...»; в Слове о полку Игореве – «Ольгова когыня хоти» (видимо, о жене-половчанке Олега Святославича).

²³ «С превращением отдельных пришельцев-варягов в древнерусских князей тенденции к отрыву княжеской власти от народа, наметившиеся в восточнославянском обществе, получили новый импульс» (Фроянов И. Я. *Киевская Русь: Очерк социально-политической истории*. Л., 1980. С. 20).

²⁴ Л. Мюллер отметил, что в Переяславле одновременно (1089 г.) с церковью св. Андрея было воздвигнуто «строение банное камено, сего же не бысть прежде в Руси» (с. 58, прим. 36).

ское «кольцо» вокруг Европы, образно выражаясь, тот «Круг земной», о котором знаменитый исландец Снорри Стурлусон написал книгу саг, по объему в три раза превосходящую «Повесть».

Согласно другой устной Легенде, позже Андрея и только небольшую часть его – пути прошел Кий, происхождение которого, как и само имя (а также имена «братьев» – Щек и Хорив) еще не нашло достаточно объяснений²⁵. Имена Кий, Щек, Хорив не повторялись в традиции русских княжеских имен и никаких следов династии, восходящей к Кию, не существует. Если считать, что Киев основан Кием в 482 г., то остается неизвестным, кто там княжил в течение четырех веков до прихода Олега.

Поход Кия византийскими источниками не отмечен, имя «царя» неизвестно, и эта легенда не может служить исходным основанием для изучения «маршрута» Андрея. Летописец переходит к уверенно му историческому повествованию, когда оно начинает опираться на представление о Руси как о европейском государстве, связанном с известными феодам европейскими событиями.

В Европе наступила эпоха викингов (кон. VIII – сер. XI вв.)²⁶ Она означала постоянную и непреодолимую миграцию скандинавов (норвежцев, шведов, датчан – «норманнов», «варягов») в южные европейские земли по водным путям. Викинги двигались до Рима, Константинополя, Иерусалима, по морю (через Гибралтар) и по рекам – Шельде, Сомме, Сене, Луаре, Гаронне, Роне. Они смело нападали во франкских землях на Париж (грабили его в 845, 857, 861 гг., сняли осаду в 885 г., получив откупные), Суассон, Тур, Орлеан, Анжер, Шалон, Дижон; в германских землях разорили Гамбург (845), двигаясь вверх по Рейну, напали на Ксантен (863), Кельн и Бонн (892), также Аахен, Трир, Вормс. В Англии викинги появились в 825 г., не раз грабили Лондон и Кентерберри (836, 851–852), захватили Шотландию (866), королевства Нортумбрию, Восточную Англию, часть Мерсии и Эссекса. Они заняли Оркнейские острова, заселили Исландию, Гренландию. Около 1000 г. открыли Америку. В Испании викинги разорили Астурию и Севилью (844). Они основали свое королевство в Сицилии и Южной Италии. Точно так же викинги устремились в восточноевропейские земли. Они двигались вдоль побережья Балтийского моря, вели войны друг против друга (норвежцы – датчане – шведы), а также междоусобные войны внутри каждого из скандинавских государств; на падали на племена северо-европейские, угро-финские, балтийские и, наконец, восточнославянские. Как и на Западе, викинги шли на Восток водными путями: из Балтийского моря, по рекам Неве, Волхову, Ловати до Днепра или по Западной Двине до Днепра, затем по Днепру, Черному и другим морям к Константинополю, Иерусалиму, Африке, Италии. Они нападали на города Ладогу, Новгород, Смоленск, Муром, Любеч, Чернигов, Киев и др. Историческая типология событий несомненна: одновременно с действиями шведского конунга Олега Вещего (Русь, Константинополь, 907–911) норвежский конунг Роллон захватил земли в устье Сены и в 911 г. заключил договор с французским королем Карлом Простоватым, основав герцогство с названием от «норманнов» – Нормандию, как и Олег империю с названием от «руси» – Русь.

В связи с общеевропейской историей необходимо рассматривать и значение скандинавских наемных дружин как типичной гвардии князей, королей, императоров. Образование империй осуществлялось гениальными узурпаторами, обычно иностранцами, обладавшими гвардией количественно небольшой, но качественно великолепной по сравнению с военными

²⁵ См. Марр Н. Я. Книжные легенды об образовании Куара в Армении и Киева на Руси. Речь, произнесенная на торжественном годовом общем собрании Академии истории материальной культуры 18 мая 1922 г., в: Марр Н. Я. *Избранные работы*, 5. М.–Л., 1935. С. 62; Рыбаков Б. А. *Древняя Русь: Сказанья, былины, летописи*. М... 1963. С. 26–27; Айвазян К. *История Тарона» и армянская литература IV–VII вв.* Ереван, 1976. С. 234–328.

²⁶ Из новой литературы предмета: Гуревич А. Я. *Походы викингов*. М., 1966; Simpson J. *Everyday Life in the Viking Age*. London, 1967; Foote P. C., Wilson D. M. *The Viking Achievement*. London, 1970; Capelle T. *Die Wikinger*. Stuttgart, 1971; *История Норвегии*. М., 1980; von Fircks J. *Wikingerschiffe: ueber ihren Bau, ihre Vorgaenger und ihre Eugene Entwicklung*. Bielefeld, 1979 (русс. пер.: фон Фиркс И. *Суда викингов*. Л., 1982).

силами новых подданных, из состава которых затем формировались большие армии. Можно вспомнить македонские фаланги Александра Великого, монгольскую гвардию Чингис-хана, римских императорских преторианцев, египетских султанских мамлюков-половцев (вошедших потом в гвардию Наполеона), турецких янычар, папских швейцарцев и др. При реализации имперских проблем централизованной государственности и преодоления феодального сепаратизма социально-политическое значение гвардейских частей из профессионалов-наемников, в частности скандинавских, нередко было решающим.

Следуя летописной иерархии перечисляемых ценностей, «Повесть» всегда при исчислении войск первыми называет варягов. Аскольд и Дир «многи варяги совокуписта» (19), других дружин у них не было. Олег первым в походе на Киев «поим воя многи, варяги, чудь, словэни, мерю, весь, кривичи» (20). Он же в походе на Константинополь «поя же множество варяг, и словень, и чудь <...> и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны» (23). После первой неудачи под Константинополем Игорь «посла по варяги мнози за море, воюя на греки», затем он, «совокупивъ вой многи, варяги, русь, и поляны, словэни, и кривичи» (33), принудил греков к выгодному для Руси миру. Владимир «собра вой многи, варяги и словени, чудь и кривичи» (54). Яро слав «приведе варягы» (89), «събра Ярославъ варягъ тысячу» (96). Диспозиция варягов перед сражением была самой ответственной. Ярослав (1036) против печенегов «събра вой многи, варяги и словэне [новгородцы. – А. Р.] <...> и постави варягы посередэ, а на правой сторонэ кыяне, а на левем криле новгородцы» (101).

Прекращение варяжской миграции имело в Европе военно-политические последствия. Так, в Византии императорам пришлось заменить варяжскую гвардию англосаксами, бежавшими из Англии после покорения ее (1006) Вильгельмом Завоевателем – правнуком норманнов. На Руси возможности такой замены не было. Поэтому после смерти Ярослава сразу обнаружилась беспомощность военно-политических действий его сыновей Изяслава, Святослава и Всеволода. Не обладая свежими варяжскими дружинами, никто из Ярославичей не смог стать, подобно отцу, «самовластием» Руси. Объединенные их усилия при сопротивлении внешней агрессии оказались неэффективны: при первой же войне с половцами (1068) все трое были сразу разбиты. Внутренняя политика братьев оказалась еще пагубнее для государства. Ярославичи арестовали полоцкого князя, волхва Всеслава. Когда Изяслав и Всеволод бежали от половцев в Киев, произошло городское восстание. Дружина подала Изяславу разумный совет – убить Всеслава: подозвать к оконцу «поруба» и «пронзить» мечом. (Дед Ярославичей Владимир Святой пригласил сводного брата Ярополка в киевский дворец якобы для переговоров о мире, но как только тот вошел, два варяга подняли его «под пазусе» на мечях, а по приказу дяди Ярославичей Святополка Окаянного другие два варяга добились его сводного брата св. Бориса). Но Изяслав уже не имел варягов. Нарушая родовые традиции, он не убил Всеслава, дал возможность киевлянам провозгласить его киевским князем, позволил им разграбить несметные сокровища Владимира и Ярослава, и государственная казна исчезла. Князя бежали от половцев в Киев, затем от киевлян из Киева, куда вернулись при помощи поляков. Равновесие внутри империи было нарушено. Войны князей-братьев за киевский престол стали превращаться в войны суверенных удельных князей (после Любечского съезда 1097 г.), которые часто велись с привлечением в качестве союзников половецких ханов, обычно – княжеских родственников.

Исчезновение у киевских князей варяжской гвардии стало одной из предпосылок крушения первой империи Рюриковичей. К середине XI в. «варяжское кольцо» вокруг Европы вообще стало распадаться, и в том числе его восточная сторона, путь «из варяг в греки и из грек». Это вновь ослабило юго-восточные рубежи Руси по отношению к азиатскому военному и кровнородственному воздействию. С третьей четверти XI в. и позже по крайней мере 14 знатных князей женились на дочерях половецких ханов, и, следовательно, появилось не менее 70 князей и княжон полуполовецкого происхождения, 350 половецких внуков княжеского достоинства. Герои «Слова о полку Игореве», князя Ольговичи, были родственниками половецких

ха нов. Ранее этого Владимир Мономах женил своих сыновей – Юрия Долгорукого и Андрея Доброго – на половецких ханшах. Если основателем первой империи Рюриковичей был Олег Вещий, то зачинателем создания их второй империи стал полуполовец князь Андрей Юрьевич Боголюбский.

И в прежние времена на европейских путях, в неустанных поисках «добычи и славы», викинги вовлекали в свое движение местные племена, особенно языческие. С каждым движением скандинавов на юг повсюду оставались их дети, рожденные туземками.

На Руси в ближайшем географическом соседстве и тесных кровнородственных отношениях со скандинавами оказались словени (новгородцы, ладожане и др.). «Повесть» указывает на обычный факт эпохи (1015): «варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху новгородцем и женам их»²⁷. У правящих феодалов Руси и у их летописцев сношения с варягами (драки и грабежи, союзы и торговля, браки и связи) воспринимались как отношения не с чужестранцами, а с опасными родственниками.

Для понимания «маршрута» Андрея важно учесть, что в IX в. племена восточнославянские, балтийские и угро-финские не были объединены в империю. «Повесть» показывает, что племена были разделены на две сферы влияний: «имаху дань варязи из заморья на чюди и на словенехъ, на мери и на всех, кривичехъ», а «козари [хазары. – А. Р.] имаху на полянехъ, и на северехъ, и на вятичехъ» (18). Новгород и Ладога с их областями отходили таким образом к Европе; Киев, Чернигов и некоторые другие города – к Азии. Вдоль пути «из варяг в греки и из грек» развернулась почти четырехвековая борьба европейских и азиатских сил. Сначала только новгородцы (словене) могли и противиться скандинавской экспансии, и приглашать варягов на договорных на чалах. Они «изгнаша варязи за море», но затем началась междоусобная война. Послы отправились «къ варягомъ, къ руси» («Повесть» по следовательно называет часть шведов «русью»²⁸) и сказали историческую фразу: «Земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нетъ» (18).²⁹ Приглашенный на княжение, явился Рюрик³⁰ (видимо, конунг Рёрик) со своим домом и верной дружиной, он «пояше в себе всю русь» (18). Рюрик сначала захватил часть побережья во Фрисландии (860), затем, в 862 г., перешел на законных условиях на то место, где и был в 864 г. заложен Новгород (в это же время норманны заложили Йорвик, будущий Йорк, в Англии). Вероятно, Рюрик первым положил начало восточного пути «из варяг в греки». Цель варягов была дальней, но точной: «бояре» Аскольд (имя скандинавское) и Дир (имя неясное) отпросились у Рюрика в Царьград. По пути они захватили «градок мал» (Киев), в котором не было князя, так как горожане сказали варягам: «мы седимъ родъ ихъ [т. е. Кия с «бра-

²⁷ Более чем четырехвековые родственные сближения скандинавов и словен-новгородцев способствовали формированию характера последних, буйного и свободолюбивого: традиционные побоища на мосту р. Волхов; победы (во главе со св. Александром Невским) над родичами-шведами (1240), немцами и эстонцами (1242); последние отголоски традиций викингов – дальние речные походы ушкуйников (XIV–XV вв.) с нападениями на крупные русские города. Новгород первым (1132) освободился от власти киевских монархов, и его республиканское «вече» напоминало исландский альтинг, ранее освободившийся от норвежских королей. Былинный образ Василия Буслаевича с его, как у скандинавов, морским паломничеством в Иерусалим через «море Верейское», где он (как и Харальд Суровый) купался в «Ердан-реке». Только вторая, Московская империя Рюриковичей, свергнув монголо-татарское иго, смогла уничтожить и феодальную демократию Новгорода путем жесточайших репрессий великого князя Ивана III Васильевича и его внука, царя Ивана IV Васильевича Грозного.

²⁸ См. Харбугаев Г. А. *Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского этногенеза*. М., 1979. С. 216–222.

²⁹ Эта фраза близка к сообщению монаха-сакса Видукинда Корвейского в «Истории саксов» (сер. X в.) о призвании саксов бриттами: «Тетта nostra spatiosa et tirtilis», однако здесь нет специфического для Руси представления о том, что нужен какой-то порядок («наряд»).

³⁰ Имя Рюрик повторялось в традиции княжеских имен: Рюрик Ростиславич († 1092), Рюрик Ростиславич († 1215). По древнейшему списку «Задонщины» Боян «пояше русскимъ: первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичу...» (Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. М.–Л., 1966. С. 548). В «Степенной книге» (XVI в.) об Иване Грозном сказано: «самодержец всея Руси <...> бысть от святого перваго Владимиря седьмый на десять степенъ, от Рюрика же двадесятый». Сам Иван Грозный возводил свое происхождение к Августу. Еще в «Сказании о князьях владимирских» (нач. XVI в.) говорилось, что Август послал брата своего Пруса на р. Вислу, от него произошел Рюрик: новгородцы «обретоша тамо некоего князя именем Рюрика, суца от рода римска царя Августа» (Дмитриев Р. П. *Сказание о князьях владимирских*. М.–Л., 1955. С. 162).

тнями». – А. Р.], платяче дано козаромъ» (18). Европейцы-варяги стали «владети польской землею», т. е. европейцами-полянами, несколько оттеснив азиатов-хазар. С малыми силами (по «Повести» и византийской хронике 200 кораблей, примерно 8 тыс. воинов) Аскольд и Дир напали на столицу Византийской империи. Но буря «безбожных Руси корабля смете» (19), и они вернулись в Киев. Аскольд и Дир – первые достоверные путешественники, прошедшие «из варяг в греки и из грек» через Новгород³¹. Третий импульс скандинавского движения возглавил конунг-князь Олег, из «рода» Рюрика. Он убил своих бывших сослуживцев Аскольда и Дира и принялся сначала за устройство новой империи, способной бороться с Византией. Олег еще решительнее оттеснил на юго-восток хазар³². Спустя 20 лет после того, как Аскольд и Дир захватили «градок мал», Олег превратил его в столицу обширной европейской державы. Олег стал первым общепризнанным (русскими и иностранными источниками) киевским князем³³. «И седе Олегъ, княжа в Киеве, и рече Олегъ: «Се буди мати градомъ русьскимъ». И беша у него варязи и словени и прочи прозвашася Русью» (20). Для успеха такого общего переименования нужно было уничтожить древнее славянское название центрального в империи (Киев и Среднее Поднепровье) и наиболее культурного племени – поляне. Это могло быть сделано только актом государственной власти: «поляне, иже ныне зовомая русь» (21), что и показано летописцем в форме наречия («зовомая»). Летописец отметил и важный факт ославянивания варягов: «А словенский язык и русский одно есть, отъ варягъ бо прозвашася Русью, а первое беша словене; аще и поляне звахуся, но словенска речь бе» (23). Олег в широких масштабах повторил ту смену именовании, которую начал Рюрик в Новгороде: «И от тех варягъ [Рюрика с «братьями». – А. Р.] прозвася Руская земля, новгородьци, ти суть людье ноукородьци от рода варяжьска, преже бо беша словени» (18). Эти два племенных названия исчезают из «Повести»: столичные «поляне» (до 944 г.), «словене» (до 1036 г.), так как жители двух важнейших городов империи, через которые проходил путь «из варяг в греки», стали называться – кияне и новгородцы.

Олег прошел весь путь «из варяг в греки», одержав имперскими (многopleменными) войсками (2 тыс. кораблей, примерно 80 тыс. воинов) первую победу над Константинополем. В сознании Владимира Мономаха и его предшественников (и летописцев) великие события княжеского рода решались на пути предков, проложенном Олегом. Частично путь «из варяг в греки» прошли Игорь Рюрикович и его сын Святослав (до предместий Константинополя); жена первого и мать второго – Ольга, крестившаяся в столице православия; Владимир Святославич – до Корсуня, его внук, Владимир Ярославич – почти до Константинополя. Однако ни скандинавам, ни славянам не удалось, подобно Олегу, пове сить в Царьграде «тцить свой въ вратехъ, показуя победу» (25).

По мере приближения ко времени создания «Повести» «маршрут» Андрея становился всё более актуальным для Владимира Мономаха, так как ему, вероятно, всё чаще приходилось с грустью думать о подвигах прадеда Владимира (в честь которого он получил свое имя) и деда, «самовластца» Ярослава. Летопись повествует, что после убийства Святослава Игоревича печенежским князем Курей началась первая на Руси борьба князей-братьев за киевский престол. Еще при жизни Святослава старшие его сыновья, Ярослав и Олег, совершили роковую ошибку: никто из них не пожелал княжить в далеком от столицы Новгороде. Туда был послан

³¹ По византийским хроникам и Вертинским анналам «русы» (шведы) ранее Аскольда и Дира посетили Константинополь: в 820 г. – с нападением; в 839 г. – с дружественным визитом) но, видимо, они шли морским западным путем; в 895 г. викинги (62 корабля под командованием Хааштейна) дошли до Константинополя.

³² Святослав Игоревич затем взял хазарскую крепость Саркел (Белая Вежа) и восстановил античную европейско-азиатскую границу по Дону. Древнейший путь варягов шел, видимо, через исток Волги, волоком Волга, Дон, затем Азовское и Черное моря. Победы Олега, Игоря и Святослава перенесли этот путь на Днепр как более короткий и государственно перспективный.

³³ «Олег объединил Новгород и Киев, вследствие чего образовалась огромная территория, управление которой предъявляло несколько иные запросы к княжеской власти, требуя от нее большей активности и самостоятельности. И мы видим, что Олег преуспевает в этом» (Фроянов И. Я. Указ. соч. С. 201).

младший, и как казалось, неполноценный сын – Владимир, матерью которого была рабыня-славянка, «ключница» княгини Ольги, Малуша. Когда, будучи в Новгороде, Владимир узнал, что брат его Ярополк убил брата Олега, он «убоявся бежа за море» (54), очевидно, к родичам-варягам, что и опре делило его победу. Юный князь Владимир, скандинав по отцовской линии, был хорошо принят «за морем», ибо его личные интересы совпали с интересами скандинавского движения по восточному пути. Спустя три года он повторил деяние Рюрика: «Приде Володимерь съ варяги Ноугороду» (54). Изгнав посадников киевского князя Ярополка, Владимир восстановил свою власть и двинулся на юг. Забегая вперед, отметим историческую обратимость событий, разворачивавшихся на пути «из варяг в греки». Сначала Владимир бежал к варягам и с их помощью завоевал престол. Потом, после гибели норвежского конунга Олава Святого (1030), на Русь бежал его единоутробный брат Харальд Суровый Правитель, который при поддержке своего тестя Ярослава стал норвежским королем.

Итак, Владимир, подобно Олегу Вещему и деду Игорю, укрепил варяжское войско: «варяги и словени, чюдь и кривичи» (54). Он двинулся тем же путем и завоевал Киев. На этом пути происходила 20-летняя борьба за власть его сына Ярослава. Когда Ярослав, подобно Владимиру, княжил в Новгороде и возмужал (35 лет), он отказался в 1014 г. платить ежегодную дань (2000 гривен) в Киев «отцу своему». Владимир собирался идти знакомым путем войной «на сына своего» (88). По традиции «Ярославъ же пославъ за море, приведе варягы» (89), но в это время Владимир умер. В Новгороде события развивались по обычаю: в ответ на насилия со стороны ярославовых варягов новгородцы «избиша» их (95). Ярослав защитил варягов и «исече» знатных новгородцев. Узнав о том, что после смерти их грозного отца брат Святополк убил брата Бориса, за тем братьев Глеба и Святослава, Ярослав помирился с уцелевшими новгородцами. «И собра Ярослав Варягъ тысячу, а прочихъ вой 40 тыс. [видимо, 4 тыс. – А. Р.], и поиде на Святополка» (96).

Противясь этому традиционному европейскому движению с севера, Святополк первым из Рюриковичей, бывших уже христианами, решил опереться на азиатско-язычников. Он возглавил печенегов, убивших некогда его деда Святослава. «И бысть сеча зла <...> и одоле Ярослав» (96). Не владея северным путем, Святополк пересек его, бросившись с Востока на Запад, «въ Ляхы». Это была тоже европейская апелляция. Однако поляки (в отличие от варягов) не передвигались по всей Европе и в наемной гвардии не служили. Опора на них со стороны претендента на киевский престол не могла быть прочной. Со Святополком пришел (на короткое время, 1018 г.) князь Болеслав I Храбрый. Ярослав был разбит, казалось, окончательно. И однако, не боясь возмездия за погубленное войско, Ярослав твердо держался традиции предков – «убежа с 4-ми мужи Новугороду» (97). По примеру отца Ярослав «хотяше бежати за море» (97). Но посадник Константин Добрынич (племянник Малуши, бабушки Ярослава), поняв опасность такого шага для себя и новгородцев, решил поддержать беглеца: новгородцы «расекоша лодье Ярославле» (97). Однако без варягов обойтись было нельзя, так как самостоятельно никто (словене, чюдь, кривичи, меря, весь) не ходил по пути «из варяг в греки». Разумнее всего было не ждать нападения вольных варягов во главе с Ярославом (как сделал Владимир), а пригласить их снова, обусловив это договором. Богатые и деловитые новгородцы, раздобыв такую высокую плату для суровых наемников, сами «приведоша варягы, и вдаша им скоть, и совокупи Ярослав воя многы» (98). И новое неудержимое движение по имперскому пути началось. Двигаясь по пути антиимперскому, «бежа Святополкъ в Печенегы» и вернулся «съ Печенегы въ силе тяжьце» (97). И на этот раз азиаты были отражены: в битве «яка же не была в Руси <...> одоле Ярославъ» (98).

Другой брат Ярослава, храбрый Мстислав, двинулся из Тмутаракани с хазарами (предки которых властвовали над Киевом) к столице империи, повторяя ориентацию Святополка. Ярослав снова ушел в Новгород (1024) и «посла за море по варягы. И приде Якун [конунг Хакон. – А. Р.] съ Варягы и идее Ярослав с Ягуном на Мстислава» (100). Но Мстислав, прославленный

военный герой (каковым Ярослав не был), сумел перебить варягов. И снова Ярослав бежал в Новгород, а «Якун идее за море» (100). Важно, что еще до этой войны, когда Ярослав посылал за варягами, сами киевляне «не приаща» Мстислава. (99) Но в 1036 г., когда Ярослав по обыкновению был в Новгороде, печенеги самостоятельно подступили к Киеву. Старый князь «събра вси многи, варяги и словени <...>. И бе печенег без щисла». Бой шел в самом Киеве «идее же стоить ныне святая София <...>. И бысть сеча зла <...>. И побегоша печенеги <...>» (102). Это была последняя битва варягов за Киев.

Последним проделал весь восточный путь (Норвегия, Швеция, Дания, Русь, Византия, Палестина, Африка, Сицилия) и часть западного пути (Норвегия, Англия) знаменитый король-викинг Харальд Суровый, начальник византийской гвардии.

Сведения «Повести» и исландских саг во многом совпадают, хотя и получают различное литературное воплощение. По «Эдмундовской саге» (XIII в.) конунг Эймунд, спасаясь от своего побратима Олава Святого (который сам был связан с Ярославом), вместе с ярлом Рюриком поступил на службу к «Ярицлейву конунгу», который сказал им: «Нам очень нужна от вас помощь, потому что вы – норманны – мудрые мужи и храбрые». (Р 92) При Ярицлейве норвежский «конунг и 600 норманнов» (Р 93), а по летописи – 1000 варягов. Норманны обеспечили победу Ярицлейва над двумя его братьями (по летописи – Святополком и Мстиславом). Согласно саге, Ярицлейв, был тяжело ранен в ногу, а по летописи и по научному обследованию скелета, Ярослав был хромым. Брат его, «Бурислав», говорит сага, «был в Тюрккланде <...> и у него <...> войско, которое не станет бежать, и это – тюрки <...> и мы, норманны, не побежим первыми» (Р 97). Бурислав был убит Эймундом.

Сага смешивает здесь братьев – Бориса и Мстислава (Борис-слав). Первый боролся с Ярославом, а второй княжил в Тмутаракани, входившей в тюркоязычный Хазарский каганат.

В упомянутой битве, по «Повести», «трудишася варяги, секуще север». Еще Олег Вещий силами варягов «победи северяны» (20), потом они участвовали в его походе на Царьград. Но теперь этих славянизированных иранцев Мстислав противопоставил слабеющим варягам. Он увидел – «лежащие сечены от своихъ съверь и варягы Ярославле, и рече: «Кто сему не рад? Тагда свежая азиатская дружина Мстислава стал «сечи варягы» (100). Мстислав умер в том же году, и Ярослав «бысть самовластець в Русьстей земли» (101), а по саге – «весь народ в стране пере шел под руку Ярицлейва конунга» (Р 100).

Престарелый Ярослав начал, видимо понимать, что его империя, достигшая расцвета, стала неспособной к завоеваниям и вступила в период неустойчивого развития внутренних политических сил. Двух вековая эра геройских походов по пути «из варяг в греки и из греков» миновала. Ярославичи совсем освободились от варяжской зависимости, а потому никто из них и всех их потомков уже не располагал надежными силами для завоевания киевского престола и сохранения целостности империи. Именно поэтому Ярослав выступил в качестве первого из идеологов нового этапа государственности Руси. Он стал проповедовать в завещании братолюбие, чуждое его предкам и ему самому. Ярославу не оставалось ничего иного, как вспоминать о славе предков и пугать сыновей: «Аще ли будете ненавидно живуще, в распряхъ <...>, то погыбнете сами и погубите землю отецъ своихъ и дедъ своихъ, юже налезозша трудомъ своимъ великимъ» (108). Поставленный Ярославом первый из русских митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати» апеллируя к славе предков, вспомнил даже само го незадачливого из них, язычника «старого Игоря». Повторяя формулу Ярослава о великом труде «отцов и дедов», митрополит-грек Николай пытался увещевать Владимира Мономаха и враждующих князей. Мономах, подобно Ярославу, но в еще более обстоятельной форме «Поучения» наследникам, и в письме врагу (двоюродному брату Олегу Святославичу) обращался к примеру «отцов и дедов». Так грозная сила варяжских дружин уступила место утопической морализации – верному признаку ослабления империи.

В такой идеологической атмосфере мысленное обращение к прошлой славе отечества искало своего хронологического предела и идейной кульминации. Необходимо было освятить путь «отцов и дедов» высшим духовным авторитетом: вспомнили и о греческой легенде об апостоле Андрее, и об утратившем свое значение пути «из варяг в греки». Оба этих сюжета не могли превратиться в идеологическую реалию без их объединения и обработки, что и было сделано при Владимире Мономахе, который стремился удержать империю от распада и был заинтересован в создании такого великолепного предания.

«Маршрут» апостола Андрея требует изучения передвижений по этому пути исторических лиц, происхождение, взаимоотношения и деятельность которых поясняются генеалогическими наблюдениями. Важность генеалогии для познания всего феодального мира велика потому, что сами феодалы (и их историографы) мыслили историю как смену поколений, династий и аристократических родов³⁴. Путь «из варяг в греки» был и свадебной магистралью. Так, с севера в Киев прибывали из Пскова Ольга – к Игорю, из Полоцка – Рогнеда (дочь князя Рогволода, пришедшего «и(з) заморья», норвежка Адлага – к Владимиру, шведка Ингигерд (дочь короля Олава) – к Ярославу, англосаксонка Гита (дочь короля Харальда, из Англии, через Данию) – к Владимиру Мономаху, шведка Кристина (дочь короля Инги) – к Мстиславу. А из Киева пошел в Швецию на свою погибель Всеволод Владимирович – к княгине Сигрид Гордой. Елизавета Яро славна уехала с Харальдом Суровым; Мальмфрид Мстиславовна поехала к норвежскому королю Сигурду Йорсалафари (затем она вышла замуж за датского короля Эйрика Эймуна); Ингибьёрг Мстиславовна – к датскому герцогу Кнуту Лаварду. На юг отправилась из Киева Мария Владимировна (дочь Мономаха) к византийскому царевичу Леону, не названная по имени дочь Мстислава – к царевичу из династии Комнинов. С юга тем же путем плыли к Киеву царевна-гречанка Анна и неизвестная по имени болгарка – к Владимиру Святому, гречанка – к Ярополку Святославичу, гречанка Мария (дочь императора Константина IX Мономаха) – к Всеволоду Ярославичу. Все эти и другие родственные связи были европейскими.

Говоря о генеалогии, нельзя не обратить внимания и на скандинавскую этимологию имен князей. Рюрик от древнескандинавского – «славный», «знаменитый»; Олег – «святой»; Ольга – «святая»; Игорь (Ингвар) – «защитник Ингве» бога; Рогнеда (Рагихильд) – от основ «боги», «держава», «сражение», ее отец Рогволод-Рангвальд. Владимир (Володимер) – из готского Вальдемар (летописное «мер» производное от «мар») – «знаменитый властитель». Имени «Владимир» (в поздней орфографии, с народной этимологией «владеющий миром») в «Повести» и других источниках нет³⁵.

Первым на Руси из князей получил греческое имя Андрей сын Ярослава Всеволод, в 1086 г. он заложил в Киеве церковь во имя св. Андрея. А 1089 г. в Переяславле, принадлежавшем Всеволоду, митрополит Ефрем основал церковь св. Андрея.

Варяжские силы давно иссякли, и Всеволод не ходил родовым путем «из варяг в греки и из грек». Сын его Владимир в «Поучении» отметил, что отец, «сидя дома, изумеше пять языкъ». Очевидно, это были языки русский и «словенский» (от отца, церкви и подданных), шведско-норвежский (от матери принца Магнуса), греческий (от жены Марии), половецкий (от второй жены, половецкой ханши). При дворе Ярослава, Всеволода и Владимира сложилась типичная для Средневековья интернационально-национальная культура, которая в данном случае была связана со старославянской и греческой книжностью, что обеспечивало благоприятные условия для культа св. Андрея.

По всем этим историческим, генеалогическим, культурным и политическим обстоятельствам «маршрут» апостола Андрея, охвативший все европейское варяжское «кольцо», для Руси практически утраченный, настолько импонирует мечтам Владимира Мономаха, что ока-

³⁴ Baumgarten N. *Genealogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe siecle*. Orientalia Christiana, 35. Roma, 1927.

³⁵ Супранская А. В. *Как вас зовут? Где вы живете?* М., 1964. С. 76–89; здесь имеется научная библиография.

зался соединенным с киевской и новгородской темами (при их антиномической оценке) в единую «Легенду», которая была даже занесена в великокняжескую «Повесть временных лет», как казалось, навечно³⁶.

³⁶ Иван Грозный, отвергая католичество, предлагаемое ему папским легатом Пос-севино, заявил, что Россия приняла веру от апостола Андрея; см. Possevinus A, Moscovia. Antwerpen, 1597. P. 139. Писатель-игумен Волоколамского монастыря Иосиф Волоцкий (кон. XV в.) в «Сказании о новоявившейся ереси» повторил легенду об Андрее (см. Козакова Н. А., Лурье Я. С. *Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – нач. XVI в.* М.-Л., 1955. С. 486). При царе Алексее Михайловиче о том же говорил грекам посланный на Афон (1653) писатель и дипломат Арсений Суханов (см. Белокуров С. Л. *Арсений Суханов*. Изд. 2-е, М., 1894. С. 137–139). Первый российский император Петр Великий основал первый и высший орден России (1698–1917 гг) Андрея Первозванного, с надписью на нем: «S. Andreas Patronns Rossiae». Андреевский белый флаг с голубым крестом по диагоналям был установлен Петром для российского морского военного флота.

Адальберто Майнарди. Андрей – «первый ученик» Христа. Вселенский взгляд на ученичество и общину в четвертом Евангелии

Корпус Иоанна содержит очень важное для вселенского богословия глубокое видение единства церкви как общины³⁷, в которой первенство Симона-Петра, «Камня», понято как «служение общине». Игнатий Антиохийский, «в посланиях которого мы видим наиболее ранние отголоски Иоанновской мысли» (Браун)³⁸, определил церковь Рима как «церковь, первенствующую в любви» (προκαθημενη της αγαπης, Послание к Римлянам, Пролог). По сути это модель отношений церквей, близкая к богословию четвертого Евангелия: так, в Ин 21 мы читаем, что Симону-Петру вверено «пасти овец» Господних, ибо он «любит Господа более других». Но есть и другой ученик, «которого любил Иисус», на него Петр указывает Господу (Ин 21:7), и он находится в поразительной симметрии с другим учеником, Андреем, который в начале Евангелия приводит Петра к Иисусу (Ин. 1:42). За многообразием личностных проявлений в четвертом Евангелии открывается богословие, укорененное в определенной исторической традиции³⁹. Также не следует забывать, что Андрей – брат Симона-Петра.

Анализ фрагментов Евангелия от Иоанна, где упоминается Андрей, по сравнению с синоптической традицией и традицией ранней церкви, поможет нам пролить свет на глубокую связь между ученичеством и общиной Христа, с одной стороны, и общением учеников и их общинами, с другой стороны. В заключение мы попытаемся предложить вселенский взгляд на именование апостола Андрея как «первого ученика Христа», как именует его Иоанн.

* * *

В Восточных церквях апостол Андрей именуется Первозванным, ο πρωτοκλητος. Этот эпитет впервые встречается в гностических «Деяниях Андрея» (кон. II в.)⁴⁰, но вошел в литургические тексты Великой церкви только после переноса мощей апостола в Константинополь в конце IV в. (356 или 357 н. э.)⁴¹. Первые изображения Андрея в ранней христианской иконографии мы находим во фресках катакомб и на саркофагах IV–V вв., но всегда вместе с апостолом Петром, также в иллюстрациях евангельских текстов (например, Россанский кодекс). Отдельно изображение Андрея как «апостола Востока» появляется только к концу VII в. в периферийных областях Восточной империи (например, в Абхазии)⁴².

В синоптической традиции, однако, «первым» (πρῶτος, Мф 10:2) становится Симон, прозванный Петром, так во всех списках учеников Иисуса (Мк 1:16–20 и параллельных местах: 1:29; 3:16–19; 5:37; 9:2; 13:3; 14:33, Лк 22:8, Ин 20:2; 21:2). Как справедливо отмечает Рудольф Пеш, это не только отражает ведущую роль Петра в первоначальной церкви, но это отражает

³⁷ Например, только в первой главе Unitatis redintegratio есть четыре ссылки на Иоанна (1 Ин 4:9; Ин 11:52; Ин 13:34; Ин 16:17) и цитата Ин 17:21: Ἵνα πάντες ἐν ὧσιν, καθὼς σὺ πάτερ, ἐν ἐμοὶ κάγω ἐν σοὶ, Ἵνα καὶ αὐτοὶ ἐν ἡμῖν ὧσιν, Ἵνα ὁ κόσμος πιστεύῃ ὅτι σὺ πε ἀλέστευλας.

³⁸ Brown R. E. *The Gospel according to John (i-xii)*. Garden City-New York, 1966 (1982) (The Anchor Bible 29). P. 475.

³⁹ См. Vignolo R. *Personaggi del quarto Vangelo: figure della fede in san Giovanni*. Milano, 1994.

⁴⁰ Lampe G. W. H. (ed.) *A Patristic Greek Lexikon*. Oxford, 1989. P. 1200.

⁴¹ Aprile R. s.v. 'Andrea, apostolo', в: *Bibliotheca Sanctorum I*.

⁴² Ендольцева Е. *Ранняя иконография св. апостола Андрея*. Материалы международного colloquium «Апостолы Петр и Андрей – икона будущего» (Бозе, Италия, окт. 2007), не опубликовано.

также его исключительное положение среди всех учеников, равно как и среди Двенадцати при жизни Иисуса⁴³.

В самом раннем литературном источнике о призвании Петра – Мк 1:16–18 – имя его брата Андрея упомянуто вторым:

Проходя же близ моря Галилейского, увидел Симона и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы. И сказал им Иисус: «идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков». И они тотчас, оставив свои сети, последовали за Ним.

В параллельном тексте Мф 4:18–19 воспроизводится та же последовательность, при этом в третьем Евангелии Андрей не упоминается вообще (Лк 5:1–11), хотя употребление множественного числа (Лк 5:6–7), возможно, предполагает присутствие обоих братьев. Некоторые экзегеты (Дибелиус, Шмитхальс) утверждают, что первоисточник Марка в эпизоде о призвании Симона вообще не упоминал его брата и появлению двух братьев мы обязаны редакции евангелиста⁴⁴.

Лука вводит интересующую нас сцену после первой проповеди Иисуса (Лк 4:21–37) и первых чудес в доме Симона (Лк 4:38–41), благодаря чему выстраивается поясняющий контекст и призвание кажется не столь неожиданным, каким выглядит оно у Марка и у Матфея. Параллелизм этой сцены с сюжетом о чудесном улове в Ин 21 очевиден, поэтому, при всех разногласиях касательно литературной зависимости четвертого Евангелия от синоптиков⁴⁵, большинство библистов склонны видеть здесь различные разработки одного и того же источника.

В любом случае, на наш взгляд, есть все основания полагать, что Андрей вместе с Петром и сыновьями Зеведеевыми, Иаковом и Иоанном, принадлежал к ближайшему кругу учеников Христовых. С ними он был свидетелем первых чудес (Мк 1:29–33), адресатом «сокровенного эсхатологического учения» Иисуса (Мк 13:3) – в домарковой традиции, Андрей был, возможно, единственным учеником, расспрашивающим Иисуса о «конце мира»⁴⁶, и он, конечно, был важным членом в ранней христианской общине. Андрей назван четвертым в списке апостолов в Евангелии от Марка (Мк 3:17; ср. Мк 13:3)⁴⁷, но вторым у Матфея и Луки (Мф 10:2; Лк 6:13–16; Деян 1:13). Первым он назван в апокрифическом Евангелии Марии⁴⁸.

Папий Иерапольский (Церковная история III, 39, 3–4) приводит другой порядок апостолов, полностью отличающийся от синоптических Евангелий:

если когда-либо кто-либо приходил, кто следовал за пресвитерами, я расследовал слова пресвитеров, что Андрей или Петр или Филипп или Фома

⁴³ Pesch R. *Simon-Petrus. Geschichte und geschichtliche Bedeutung der ersten Jüngern Jesu Christi*. Stuttgart, 1980 (цит. по итал. пер.: *Simon Pietro. Storia e importanza storica del primo discepolo di Gesù Cristo*. Brescia, 2008. P. 43).

⁴⁴ Андрей не упоминается в основном тексте, оказываясь не в числе Двенадцати; а Иаков и Иоанн встречаются только в 10:35 и на следующих страницах, где они, прежде анонимные, получают имена; Симон, напротив, подается в основном тексте как образцовый апостол; и если в евангелии Мк появляется Симон-Петр (с Андреем) вместе с Иаковом и Иоанном, то это благодаря редакции евангелиста, который знает о иерусалимских «столпах» (Гал 2:1–10) – самом близком круге Иисуса, посвященных в его предвечную тайну, и о призвании сыновей Зеведеевых (19 след.). Евангелисту принадлежат и последующие аналогии 2:13 след. и параллели с 16:18 формулировки (Dibelius 108 след.; Schulz 98); Schmithals W. *Das Evangelium nach Markus I*, Kapitel 1–9, 1. Gütersloh, 1979. S. 106.

⁴⁵ См. дискуссию в: Depaux A. (ed.) *John and the Synoptics*. Leuven, 1992, и особенно Fortna R. T. *Diachronic Synchronic Reading John 21 and Luke 5*, в: Там же. P. 387–399. Лука сконцентрирован на фигуре Петра, которого именует Симоном-Петром только здесь и в Мф 16:16, тогда как в четвертом Евангелии имя Симон-Петр упоминается 17 раз.

⁴⁶ Pesch R. *Das Markusevangelium II* (Herders Theologischer Kommentar zum Neuen Testament II,2). Freiburg-Basel-Wien, 1965. S. 264.

⁴⁷ См. Pesch R. *Die Apostelgeschichte I* (Apg 1–12). Zürich-Einsiedeln-Köln, 1986. S. 78.

⁴⁸ Hennecke E., Schneemelcher W. *Neutestamentliche Apokryphen I*. Tübingen 1959. S.

или Иаков или Иоанн или Матфей, или другие из учеников Господа, сказали, и что говорили Аристион и пресвитер Иоанн, ученики Господа⁴⁹.

Как показал в своем исследовании, посвященном авторству Иоаннова корпуса, Мартин Хенгель, поразительный параллелизм между последовательностью, приведенной в Ин 1:35–51, списком апостолов в Ин 21:2 и порядком именованя, который находим у Папия, вряд ли можно считать случайным совпадением⁵⁰. В отличие от Петровой традиции, представленной Марком, Папий и Иоанн придают наибольшее значение в среде учеников Андрею (называя его первым!), а далее Петру, Филиппу и Фоме. Также примечательно, что Андрей, когда его имя появляется в четвертом Евангелии, всегда соотносится с Филиппом (Ин 1:40, 43; 6:7, 8; 12:22). Впрочем, это объяснимо: оба апостола сыграли большую роль в дальнейшей жизни христианских общин Малой Азии⁵¹. Значимость Андрея для Иоанновой традиции подтверждена, как отмечает Мартин Хенгель, также фрагментом Канона Муратори (Canon Muratorianus, rr. 13 ss.: eadem nocte reuelatum andreae ex apostolis ut recogniscentibus cunctis [sic] iohannis suo nomine cuncta describeret) и «Деяниями Андрея» (конец II в.), где область миссии апостола (северная Малая Азия, Ахайя, Македония) обозначена недалеко от Эфеса⁵². Можно также упомянуть исследователя исторической традиции четвертого Евангелия Чарльза Гарольда Додда, который утверждает, что во II в. в Малой Азии всё еще существовала традиция, корни которой восходят к апостолу Андрею и чьи следы ведут к Евангелию от Иоанна⁵³.

Мы не станем обсуждать здесь тезис Хенгеля о происхождении корпуса Иоанна, но то, что он приписывает Евангелию от Иоанна и Первое послание Иоанна – Иоанну Старшему, Иоанну Пресвитеру (о пресвитере упоминаемый у Папия), представляется нам в высшей степени спорным⁵⁴. Однако в данном случае нас более интересует то, что пишет Хенгель о свидетельстве церкви II столетия и первоначальном восприятии Евангелия от Иоанна⁵⁵. На его взгляд, внимание евангелиста к не столь значимым для синоптического повествования отдельным ученикам или группе апостолов указывает на связь с исторической традицией, внутри которой осуществлялась работа над текстом. Кроме того, если Хенгель прав, признавая руку одного автора в богословской и повествовательной линии четвертого Евангелия⁵⁶, то выделение некоторых учеников (или замалчивание других: например, сыновей Заведеевых), возможно, не просто разница текстовых традиций, но фактически это указывает на истинные намерения евангелиста. Данная предпосылка позволяет более обоснованно интерпретировать образ «первого ученика» Христова в четвертом Евангелии с учетом той роли, какую играл Андрей в истории ранней церкви.

В рассказе Иоанна о призвании первых учеников, значительно отличающемся от синоптических Евангелий⁵⁷, сохраняются следы автономной, «предканонической» традиции, сохра-

⁴⁹ Eusebius. *The Ecclesiastical History*, with an English Translation by Kirsopp Lake. Cambridge (Mass.)-London, 1980 (Loeb Classical Library 153). Vol. I. P. 292–293.

⁵⁰ Hengel M. *Die johannische Frage. Ein Lösungsversuch mit einem Beitrag zur Apokalypse von Jörg Frey*. Tübingen, 1993; цит. по итал. версии: *La questione giovannea*. Brescia, 1998. P. 67. Обзор исследований, посвященных Евангелию от Иоанна, см., например, в: Schmithals W. *Johannesevangelium und Johannesbriefe. Forschungsgeschichte und Analyse*. Berlin-New York, 1992. S. 1–214.

⁵¹ Hengel. *La questione...* P. 68.

⁵² Там же. P. 71.

⁵³ Dodd C. H. *Historical Tradition in the Fourth Gospel*. London, 1963 (приводится в итал. пер.: *La tradizione storica nel quarto Vangelo*. Brescia, 1983).

⁵⁴ См. Moloney F. J. Review, в: *Biblica* 76 (1995), 2. P. 270–273.

⁵⁵ См. также: Hill Ch. E. *The Johannine Corpus in the Early Church*. Oxford, 2004.

⁵⁶ См. Hengel. *La questione...* P. 214–251; здесь содержится полемика со сторонниками чрезмерно скептического подхода к Евангелию от Иоанна.

⁵⁷ Иисус встретил двух первых учеников «в Вифаваре при Иордане, где крестил Иоанн» (Ин 1:28), а не на Галилейском море; из двух пар братьев, названных синоптическими Евангелиями, Иоанн сохраняет только Андрея и Петра и т. д.

няющей достоверную информацию⁵⁸: например, то, что Андрей, Петр и Филипп происходили из Вифсаиды⁵⁹, иудейского города в языческой земле, у которого были тесные взаимоотношения с греческой культурой; это объясняет, почему у апостола греческое имя Андрей (Ἀνδρέας)⁶⁰, а также его ходатайство от имени эллинов, упомянутых в Ин 12:22. Об историчности других деталей (например, о первенстве Андрея, встрече Иисуса и Нафанаила) экзегеты спорят по сей день⁶¹.

В любом случае Андрей – первый ученик, который упоминается в той части текста (Ин 1:35–51), где задаются некоторые из главных богословских тем четвертого Евангелия.

На другой день опять стоял Иоанн и двое из учеников его. И, увидев идущего Иисуса, сказал: вот Агнец Божий. Услышав от него сии слова, оба ученика пошли за Иисусом. Иисус же, обратившись и увидев их идущих, говорит им: что вам надобно? Они сказали Ему: Равви, – что значит: Учитель, – где живешь? Говорит им: пойдите и увидите. Они пошли и увидели, где Он живет; и пребыли у Него день тот. Было около десятого часа. Один из двух, слышавших от Иоанна об Иисусе и последовавших за Ним, был Андрей, брат Симона-Петра. Он первый находит брата своего Симона и говорит ему: мы нашли Мессию, что значит: Христос; и привел его к Иисусу. Иисус же, взглянув на него, сказал: ты – Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: камень (Петр). На другой день Иисус восхотел идти в Галилею, и находит Филиппа и говорит ему: иди за Мною. Филипп же был из Вифсаиды, из одного города с Андреем и Петром. Филипп находит Нафанаила и говорит ему: мы нашли Того, о Котором писали Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета. Но Нафанаил сказал ему: из Назарета может ли быть что доброе? Филипп говорит ему: пойди и посмотри. Иисус, увидев идущего к Нему Нафанаила, говорит о нем: вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства. Нафанаил говорит Ему: почему Ты знаешь меня? Иисус сказал ему в ответ: прежде нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею, Я видел тебя. Нафанаил отвечал Ему: Равви! Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев. Иисус сказал ему в ответ: ты веришь, потому что Я тебе сказал: Я видел тебя под смоковницею; увидишь больше сего. И говорит ему: истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому.

Как уже отмечалось, ученики вовлечены в разворачивающееся христологическое откровение: оно начинается свидетельством Иоанна Крестителя (Ин. 1:35), дополняется исповеданием Андрея (Ин 1:41) и также Филиппа (Ин 1:45) и достигает кульминации в словах Нафанаила (Ин 1:49), подкрепленных ответом Христа (Ин 1:51).

Свидетельству Иоанна Крестителя принадлежит в интересующем нас фрагменте исключительная роль. Именно Иоанн, «воззрев на Иисуса» (ἐμβλέψας τῷ ἰησοῦ, Ин 1:36)⁶², указывает Его ученикам «Се Агнец Божий» (ο ἀμνὸς τοῦ θεοῦ, Ин 1:36)⁶³. Показательно, что с самого начала Иисус предстает не как «Учитель», но как «Агнец». В Ветхом Завете агнец – не только

⁵⁸ Brown. *The Gospel...* P. 77.

⁵⁹ Dodd. *La tradizione...* P. 374–375; Schnackenburg R. *Das Johannesevangelium, Erster Teil. Einleitung und Kommentar zur Kap. 1–4*. Freiburg – Basel – Wien, 1972. S. 313; другие версии: Haenchen. *Johannes Evangelium...* S. 181.

⁶⁰ Cullmann O. *Petrus. Jünger – Apostel – Märtyrer*. Zürich-Stuttgart, 1952; итал. пер. San Pietro. *Discepolo-Apostolo-Martire*, в: Prandi A. (ed.) *Il primato di Pietro nel pensiero contemporaneo*. Bologna, 1965. P. 22.

⁶¹ Dodd. *La tradizione...* P. 373–374; Haenchen E. *Johannes Evangelium. Ein Kommentar*. Tübingen, 1980. S. 178, 184.

⁶² Термин ἐμβλέψας часто используется в рассказе призвания (например, Мк 10:21), и встречается при наречении Иисусом Симона Кифой (10:42): ἐμβλέψας αὐτόν ὁ Ἰησοῦς εἶπεν σὺ εἶ Σίμων Ἰωάννου, σὺ κληθήσῃ Κηφᾶς (ὁ Πέτρος).

⁶³ Об этом термине см. Brown. *The Gospel...* P. 58–63. Иоахим Иеремиас предполагает, что греческое ἀμνός является переводом арамейского talja, означающего одновременно и «агнец», и «служитель» (греч. παῖς): *Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament*, hrsg. von G. Kittel, G. Friedrich, Stuttgart, 1933 (1979) (ThWNT). T. V S. 685–698; также Schnackenburg. *Das Johannesevangelium...* S. 286; ноем. Dodd C H. *The Interpretation of the Fourth Gospel*. London, 1953. P. 235–236; Bultmann R. *Das Evangelium des Johannes*, Göttingen, 1964. S. 67.

искупительная жертва, но также «животное Исхода». Новый Исход теперь происходит через Иисуса-Агнца; эта символика будет развита в книге Откровения (14:4). Иоанн Креститель узнаёт Агнца, и два его ученика, слыша слова, которые их учитель Иоанн произносит в Духе (Ин 1:32), также видят в Иисусе Агнца Божьего.

Евангелист называет имя только одного из двух, услышавших исповедание Иоанна и последовавших за Христом – это Андрей, брат Симона-Петра (Ин 1:40), естественно предположить, что Петр уже знаком читателю. Имя другого ученика остается неизвестным, хотя в первой редакции текста, возможно, это был Филипп⁶⁴.

Ученики, которых Иоанн, «умалаясь», отдает Иисусу (Ин 3:30), совершают три последовательных действия, в Иоанновом словаре обозначающих ту духовную перемену, с которой начинается «ученичество» и «дружба» (Ин 15:15) с Богом: «они пошли» (Ин 5:2; 5:40; 6:35; 7:37; 8:21), «и видели» (Ин 8:56–57), «и оставались» (ср. Ин 6:56; 12:26; 15:4; 15:9). Как следует из Евангелия, происходит это лишь потому, что обращенное к ним «Что вы ищете?» (τί ζητεῖτε Ин 1:38)⁶⁵ стало их сокровенным вопросом, и, движимые им, они отвечают новым вопрошанием: «Равви (что значит Учитель), где Ты живешь?» (ῥαββί... που μενεος?). Употребленный в данном фрагменте глагол μενεῖν, (Ин 1: 38 и 39 μενει, εμειναν) который относится ко Христу и к ученикам, вводит нас, как замечает Раймонд Браун в толковании на Ин 14:10–11 и 17:21,23, «в проблематику Иоаннова богословия имманентности, то есть пребывания друг в друге, неразрывно связующего Отца, Сына и тех, кто идет за Христом». Таким образом, продолжает исследователь, «использование μενεῖν для того, чтобы передать мысль о взаимопребывании, дает право утверждать, что и в других случаях, например в Ин 1:39, где речь идет о том, что ученики «остаются» со Христом, этот глагол можно интерпретировать не только в житейском, но и в духовном смысле»⁶⁶.

Только «оставаясь» с Иисусом, слушая Его слово, эти два ученика могли признать в том «раввине», к которому их послал Креститель, Христа, Мессию Израиля. В этом «пребывании» с Иисусом, как ветви пребывают на виноградной лозе (Ин 15:4), и в этом, всё более глубоком взаимопребывании наконец находят то, что неосознанно искали. Вопрос Иисуса («Что вы ищете?»), получает ответ через признание сначала Андрея: «Мы нашли (ευρηκαμεν) Мессию – то есть Христа», Ин. 1:41), а затем и Филиппа (Ин 1:45).

Отношения со Христом качественно меняются (от «с Ним» – к «в Нем»), и в это вовлекаются и другие ученики, и все вместе они постепенно дорастают до наивысшей точки эсхатологического откровения: «узрите небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому» (Ин 1:51). Андрей «сначала» (πρωτον)⁶⁷ находит (ευρησκε) своего брата Симона (Ин 1:41) и приводит его к Иисусу (Ин 1:42): На другой день <...> он находит (ευρησκε) Филиппа⁶⁸ и говорит ему: иди за Мною (Ин 1:43). Филипп же был из Вифсаиды, из

⁶⁴ Личность анонимного ученика была проблемой уже для отцов церкви (Иоанн Златоуст. Гомилия XVIII, 3, PG 59, 117); его традиционно отождествляют с «учеником, которого любил Иисус» (Ин 13:23; 19:26; 20:2; 21:7,20), о котором говорится в четвертом Евангелии (Ин 21:24), и затем с Иоанном, сыном Заведее (Irenaeus. *Adversus Haereses* III,1, 1–2; Eusebius. *Historia Ecclesiastica* V,8,4), что сегодня отклоняется экзегетами: Dodd. *La tradizione...* P. 168, n. 6; Becker J. *Das Evangelium nach Johannes*. Kapitel 1–10, Gütersloh, 1979. S. 102.

⁶⁵ В более поздней версии (IX в.) читаем: τίνα ζητεῖτε – «кого вы ищете?»

⁶⁶ Brown. *The Gospel...* P. 510. О богословии пребывания у Иоанна, см. Scholtissek K. *In ihm sein und bleiben. Die Sprache der Immanenz in den johanneischen Schriften*. Freiburg-Basel-Wien-Barcelona-Rom-New York, 2000.

⁶⁷ О разных толкованиях и переводах см: Schnackenburg. S. 310 (proton, adverb: в первом значении); Cullmann. Pietro... P. 30 and Schenke L. *Johannes: Kommentar* Düsseldorf, 1998. S. 46–47 (proton, прилагательное, винительный падеж относится к Симону: «он нашел своего брата Симона первого», ἀδελφόν τόν ἴδιον Σίμωνα); πρωτος (Андрей находит своего брата первым), что засвидетельствовано в Синайском кодексе и поздних греческих манускриптах.; третий вариант (πρωί – лат. mane) обнаруживается в трех списках Vetus latina, но это, возможно, «упрощение», сознательно допущенное писцом, чтобы прояснить смысл непонятного слова proton' (Brown, p. 75–76). πρωτος является предпочтительным прочтением для греческих отцов: Кирилл. О Евангелии от Иоанна II, PG 73,217.

⁶⁸ Не до конца ясно, где в ст. 43 подлежащие, отчего возможны разные предположения: безымянный ученик (Bultmann.

одного города с Андреем и Петром. Филипп находит (εὐρίσκει) Нафанаила и говорит ему: мы нашли (εὐρήκαμεν) Того, о Котором писали Моисей в законе и пророки... (Ин 1:45)» В этом круговом движении, как это ни парадоксально, произведенном пребыванием Иисуса (μενεῖν ἐν), каждый ученик находит своего брата, и эти отношения братьев определяются связью со Христом. Предвосхищая первосвященническую молитву Иисуса в Ин 17, в нем со всей очевидностью намечен образ христианской общины как общения (κοινωνία) в Троице.

Заметим также, что именно здесь, а не после Симонова исповедания веры (ср.: Мф 16:13–19 и паралл.; Ин 6:69) евангелист говорит о новом имени апостола: «Ты – Симон, сын Ионин. Ты наречешься Кифа»⁶⁹ (Ин 1:42). Петр занимает исключительное место в сюжете движения учеников ко Христу, равно как и в евангельском повествовании как таковом. Он предаст, раскается и будет прощен (Ин 21); научится служить, омыв ноги братьям (Ин 13:6–7), пасти стадо Господне (Ин:21,15.16.17), пока, наконец, он не станет тем, что значит его имя – Камнем, Скалой, опорой веры для всех, кого вверит ему Христос. Неслучайно, в конце четвертого Евангелия, в главе 21 (вставка «Иоанновой школы»), воскресший Христос, доверяя Петру свое стадо – «Паси моих овец», – снова называет его «Симон, сын Ионин» (Σίμων ἰωάννου, Ин 21,15.16.17), и этот фрагмент зеркально симметричен рассказу о новом призвании «ученика, которого Иисус любил» – ему предстоит пребывать (μενεῖν) до пришествия Господня (Ин 21:23) (Ин 1:42). Петр занимает исключительное место в сюжете движения учеников ко Христу, равно как и в евангельском повествовании как таковом. Он предаст, раскается и будет прощен (Ин 21); научится служить, омыв ноги братьям (Ин 13:6–7), пасти стадо Господне (Ин:21,15.16.17), пока, наконец, он не станет тем, что значит его имя – Камнем, Скалой, опорой веры для всех, кого вверит ему Христос. Неслучайно, в конце четвертого Евангелия, в главе 21 (вставка «Иоанновой школы»), воскресший Христос, доверяя Петру свое стадо – «Паси моих овец», – снова называет его «Симон, сын Ионин» (Σίμων ἰωάννου, Ин 21,15.16.17), и этот фрагмент зеркально симметричен рассказу о новом призвании «ученика, которого Иисус любил» – ему предстоит пребывать (μενεῖν) до пришествия Господня (Ин 21:23)⁷⁰.

В этой связи тем более важно помнить, кто привел Симона к Иисусу и первым признал в Нем Мессию. Чтобы придти ко Христу, надо встретить Его свидетеля, каким был Иоанн Креститель для Андрея и другого, оставшегося неизвестным, ученика, Андрей – для Петра; Филипп – для Нафанаила и т. д. Исключительная значимость фигуры Петра уравнивается в четвертом Евангелии не только присутствием «ученика, которого Иисус любил» (что неудивительно – оно складывалось внутри Иоанновой общины), но также неповторимостью отношений каждого из апостолов со Христом, и это, в первую очередь, относится к Андрею.

* * *

Теперь мы должны упомянуть диалог Иисуса, Филиппа и Андрея в Ин 6:5–9⁷¹. Среди ученых нет единого мнения о том, традиционна или изменена идентификация учеников – Филиппа и Андрея, к которым обращается Иисус в этой главе. Рудольф Бультман приписывает

S. 68); Филипп (Schnackenburg, S. 312; Becker, S. 100; Schmithals, S. 325); Иисус (Haenchen, S. 180–181); Андрей (Brown, *The Gospel...* P. 85; Dodd... *La tradizione...* P. 366).

⁶⁹ οὐ εἰ Σίμων οὐτος ἰωάννου, οὐ κληθῆσθαι Κίφας; арамейское *kēfa*, в синоптических Евангелиях отсутствует, однако весьма распространено у Павла, что объясняется влиянием Иоанновой традиции и, в свою очередь, свидетельствует о ее древности. (Schnackenburg, S. 310–311; Dodd, *La tradizione...* P. 373). В Мф 16:17, Симон именуется «сыном Иониним» (Σίμων Βαροῦθα) – не исключено, что это допустимое в устной речи сокращение от «сын Иоаннов» (*bar-jōhanan*): см Jeremias J. *ThWNT*, III, 410; Dodd, *La tradizione...* P. 372–373; Haenchen, S. 179–180.

⁷⁰ См. Bianchi E. *Amici del Signore*. Torino, 1990. P. 201; он же. *Pietro e Giovanni. L'apostolo-roccia e il discepolo amato* (Giovanni 21, 15–23), в: *Alle origini dell'Occidente. Parabole e personaggi del Vangelo*. Brescia, 2002. P. 67–76.

⁷¹ Konings J. *The Dialogue of Jesus, Philip and Andrew in John 6,5–9*, в: *Denaux* (ed.). *John and the Synoptics*. P. 523–534.

первоисточнику (Semeia Quelle) существенные элементы Ин 6:1-15⁷², включая диалог Иисуса, Филиппа и Андрея, тогда как Р. Т. Фортна утверждает, что имена учеников добавлены евангелистом⁷³. Чарльз Додд и Рэймонд Браун усматривают в именах Филиппа и Андрея «след эллинистическо-азиатского присутствия (Sitz-im-Leben), характерный для Иоанновой традиции»⁷⁴. С точки зрения Дж. Конингса, мы видим здесь действие одного из приемов драматизации, свойственных для Иоаннова корпуса: «индивидуализация людей в группе, предлагаемой традицией»⁷⁵. Торжественные вводные слова Ин 6 экспрессивно очень хорошо отражают «инициативу и суверенитет» действий Иисуса. Кажется, это работа редактора, а не исходной текст⁷⁶. В любом случае упоминание об Андрее – будь это традиционный текст или отредактированный – его важность для общины Иоанна засвидетельствована.

Следует подчеркнуть богословскую остроту вопроса, который Филипп задает Иисусу: «Где нам купить хлеб, что они могут поесть?» (ποθεν αγορασωμεν αρτους ισα φαγωσιν ουτοι). В описанном эпизоде из Ин 1:48 'ποθεν-question относится не к материальному хлебу, но непосредственно к Иисусу (см. например, 2:9; 3:8; 4:11, и в особенности 7:27; 8:14; 9:29; 19:9, где богословское значение ясно)⁷⁷. В этом диалоге с учениками Филиппом и Андреем Иисус «Иоанна» являет свою божественную личность: Он – хлеб небесный, Единородный Сын Небесного Отца.

Андрею принадлежит особая роль еще в одном, исключительно важном для христологии четвертого Евангелия фрагменте, а именно в Ин 12:20–33, возвещающем о том, что «пришел час прославиться Сыну Человеческому». Как и Филипп, так и Андрей – ходатай вопрошающих «некоторых эллинов», которые хотят «видеть Иисуса»:

Из пришедших на поклонение в праздник были некоторые Эллины. Они подошли к Филиппу, который был из Вифсаиды Галилейской, и просили его, говоря: господин! нам хочется видеть Иисуса. Филипп идет и говорит о том Андрею; и потом Андрей и Филипп сказывают о том Иисусу. Иисус же сказал им в ответ: пришел час прославиться Сыну Человеческому (Ин. 12:20–21).

⁷² Bultmann. S. 156 след.

⁷³ Fortna R. T. *The Gospel of Signs. A Reconstruction of the Narrative Source Underlying the Fourth Gospel*. London, 1970. P. 63 след.; он же. *The Fourth Gospel and Its Predecessors: Form Narrative Source to Present Gospel*. Edinburgh, 1989. P. 80 след.

⁷⁴ Konings. *The Dialogue of Jesus, Philip and Andrew...* P. 525.

⁷⁵ Ibid., p. 527.

⁷⁶ Ibid., p. 528.

⁷⁷ Ibid., p. 530, и сноска 34 на p. 529. «Очевидно, что здесь присутствует реминисценция на сюжет о пророке Илии <... > поначалу неясное ро/сеп создает фон для верного истолкования многочисленных аллюзий на Моисея и Илию, равно как и диалога в целом» (там же. P. 533).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.